

УДК 9 (94)

Лахтюк С.А., аспирант, Иркутский государственный университет (Россия)

Костров А.В., профессор, доктор исторических наук, Иркутский государственный университет (Россия)

Сайтгареев Р.Р., доцент, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет (Россия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО МИЛИТАРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА XIV-XVI ВВ.

В статье рассматриваются возможности и факторы влияния естественного пространства на формирование особого отношения населения к феномену войны. В качестве примера рассматривается Швейцария в период своего становления в современных границах в XIV-XVI вв. Отдельно отмечается понимание авторами феномена милитаризма как социокультурного конструкта, в том числе основываясь на оригинальность данного подхода в современной отечественной историографии. В качестве основного метода исследования используется географический детерминизм. На его основе, используя данные, приведенные в синхронных письменных источниках, рассматривается влияние горной пересеченной местности на восприятие населением феномена войны и формирования милитаризма в социокультурном пространстве общества. Отмечается разница отношения к военному делу в горных кантонах Швейцарии и равнинных. Исследователями указывается, что наиболее рельефно этот факт прослеживается в Каппельских религиозных войнах, где горные кантоны, помимо защиты религиозных убеждений, защищали свое право на военное предпринимательство, в то время как сторонники реформации с равнинной части страны рассматривали наемничество как угрозу единства страны. В заключении делается вывод о прямом влиянии природно-географического фактора на восприятие окружающего пространства и, как следствие, особого отношения населения в военному делу, т.е. формирования социокультурного феномена милитаризма.

Ключевые слова: Милитаризм, географический детерминизм, Швейцария, военное дело, военное предпринимательство, религиозные войны.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-102-110

Введение

Естественное пространство является объективной основой развития неразрывно связанных антропологических сфер — социальной, экономической, культурной и политической. Поэтому специфика разных обществ во-многом объясняется особенностями географических, климатических, геологических и природных параметров контролируемой территории. Учёт геополитического фактора при исследовании социально-экономических, социокультурных и социополитических феноменов позволяет обрести фундаментальные основания для объяснения многих долговременных тенденций развития.

Милитаризм как феномен общественной культуры и мировоззрения является крайне любопытным явлением, который в определённых условиях показывает завидную устойчивость. Последняя нередко проявляется в регионах и странах с выраженным горным рельефом. Это вызвано тем, что пересечённая местность даёт ограниченные возможности распространения общественной

инфраструктуры, которая в этих условиях в основном локализуется в долинной части. В долинах же формируются свои относительно автономные общества. Отличия их идентификаций и интересов (в том числе борьба за контроль ресурсов ограниченного жизненного пространства), а также небольшие возможности интеграции, ведут к сохранению родоплеменного, а впоследствии и этно-конфессионального военного напряжения, которое превращается в традицию перманентного милитаризма [4; С. 84–85]. При индустриальной модернизации, которая реализуется в том числе за счёт отрицания традиций, горные местности часто остаются на периферии, что ведёт к большему сохранению традиционных комплексов, включая милитаристский. Когда же волны модернизаций и интеграций докатываются до местных обществ, то они нередко ложатся поверх сохранённых традиций, деформируя их в меньшей мере, чем на равнинных территориях. Полностью отменить влияние этих волн горные общества не в силах, так как на более модернизированных равнинах

антропологические (демографические, экономические, технологические, военные) плотности в целом гораздо выше и интегрированнее.

Объективные условия формирования и развития региональных и глобального балансов сил в разные геополитические эпохи привели к появлению разных интеграций в горных областях. И если одни регионы со временем неизбежно включаются в большие страны, то другие, на фоне специфических условий развивающихся коммуникаций и балансов сил, превращаются в суверенные государства [3; С. 1–23]. Любопытным примером горной страны является Швейцария, возникшая на фоне общности интересов проживающих здесь разных народов и за счёт объединения Швейцарского плато и примыкающих к нему обширных горных систем Альп и Юра. Положение в центре Европы между Италией, Германией, Францией, Австрией и Лихтенштейном с одной стороны дало важные коммуникационные возможности, а с другой — необходимость защиты от активно развивающихся соседей. При этом первые, кроме прочего, способствовали возникновению здесь выгодного для элит соседних (а позже и дальних) стран стабильного банковско-финансового «заповедника», в котором можно сохранять свои капиталы при развитии любых сценариев, включая региональные и мировые войны. Вторая привела к статусу вооружённого нейтралитета, который должен обеспечить безопасность не только неучастием в конфликтах, но и институционализированным милитаризмом. Последний же имеет в этой стране естественные и социокультурные основания.

Методы

Для наилучшего понимания значения феномена войны в развитии социокультурного пространства Швейцарии, необходимо обратиться к эпохе основания и последующей экспансии Старой Конфедерации, к швейцарской истории XIV–XVI вв. Именно в этот период Швейцария находилась на начальной стадии нациестроительства, в процессе которого между равнинными и горными кантонами страны возникала масса конфликтов. Поэтому отношение к военному делу и феномену войны в целом, выражавшееся в различных аспектах развития социокультурного пространства страны, играло не

последнюю роль. Поэтому компаративный анализ отношения населения горных и равнинных кантонов Швейцарии в XIV–XV вв. к феномену войны и военному делу, представляется нам актуальным методом исследования данной темы.

Подобная постановка вопроса особенно актуальна, т. к. эта тема практически не изучена, особенно в отечественной историографии, даже современные российские ученые в области гуманитарных наук рассматривают понятие милитаризма традиционно в политико-международной плоскости [8; С. 1]. Зарубежная историография лишь со второй половины XX в. начала изучать это направление и выбирать в качестве объекта исследования ортодоксальный милитаризм.

Как известно, в советской историографии, использующей марксистско-ленинскую теорию, «милитаризм» являлся следствием империализма, который в свою очередь, имел генезис из капитализма [9; С. 124]. Современная историография рассматривает данное понятие несколько шире, вводя в научный оборот концепцию «гражданского милитаризма», подразумевающей «трансформацию политического процесса и общественного сознания с учетом военных интересов» [8; С. 87]. К сожалению, данная концепция и само понятие милитаризм используется сугубо в политологических исследованиях и анализе международных отношений, тем самым ограничивая сам термин исключительно в рамках характеристики политического режима и общественного сознания в том или ином государстве.

Несколько иная ситуация сложилась в зарубежной историографии. Первые исследования, связанные с теорией войны и ортодоксальным милитаризмом, появлялись еще в XIX в. Однако впервые подобную проблематику стали рассматривать во второй половине XX в. преимущественно американские, британские и немецкие ученые. Наиболее известные из них это Майкл Манн, Вильфрид фон Бредов и Михаэль Шоу [19; С. 14]. Именно в этот момент сформировалась проблематика исследования милитаризма на макросоциальном уровне, в рамках фокуса неовеберсовской социологии, к которой и принадлежат указанные выше исследователи. Более того, Майкл Манн в своих поздних

исследованиях указывает на типы милитаризма, в их зависимости от политических и социальных режимов, т. е. определяя милитаризм как своеобразную структуру взаимодействия государства и общества [17; С. 35]. Вместе с тем, социокультурный милитаризм в исследованиях второй половины XX в. практически полностью лишен исторической ретроспективы как таковой и использования методов исторической науки, что привело к исследованию милитаризма исключительно в контексте современного состояния на макро-социальном уровне.

Несмотря на то, что наше исследование не отрицает милитаризм как политический и, как следствие, экономический конструкт, тем не менее мы сосредоточены на рассмотрении милитаризма как составной части социокультурной парадигмы на примере Швейцарии XIV-XV вв. В терминологической системе милитаризм еще не определен с вышеуказанной точкой зрения, однако наиболее близко по смыслу к этому подошел Майкл Манн, обозначая милитаризм как «набор взглядов и социальных практик, воспринимающих войну и подготовку к ней как нормальную и желательную социальную активность» [17; С. 324].

В «геополитический фактор» авторы вкладывают те методы преимущественно которыми велось исследование и которыми располагает геополитика как область науки. В частности, авторы обращаются к концепции географического детерминизма, согласно которой общественно-политическое, экономическое и иное социальное развитие происходит преимущественно из географических, климатических и иных объективных природных естественных условий [3; С. 43]. Данный метод был выбран поскольку именно он наиболее рельефно покажет разницу восприятий войны и военного дела у разных групп населения Швейцарии XIV-XVI вв. в зависимости от естественно-природных условий их проживания.

Материалы исследования

В исторических источниках XIV-XVI вв. Швейцарский Союз фигурирует как военная держава, чья кантональная армия успешно действовала в Бургундских войнах. Один из первых трудов, дающих информацию о социокультурной жизни Швейцарии по отдельным кантонам было «Описание

Швейцарии» или «Описание Верхнегерманской конфедерации» Альбрехта фон Бонштеттена, послушника Айнзидельнского монастыря в Цюрихе, в будущем священника и придворного капеллана австрийского эрцгерцога Зигмунда Тирольского, а в 1491 году – капеллана при дворе императора Священной Римской империи Максимилиана I. Альбрехт вел переписку со многими образованными современниками, среди которых король Франции Людовик XI, император Фридрих III и др. Впервые свой труд он представил в 1479 г Людовику XI и дожу Венеции Джованни Мочениго.

Источник содержит описание 8 швейцарских кантонов: Ури, Швиц, Унтервальден, Берн, Цюрих, Люцерн, Цуг и Гларус, представляя их как единое централизованное государство [11; С. 220]. В основе своей описание носило географический характер, однако так же была освещена культурная жизнь населения указанных кантонов. Так, например, он описывает жителей Цюриха: «Цюрх (от немецкого «Zürch» – старое название жителей кантона Цюрих) – очень добрый человек, веселый, милый и хорошо разбирающийся в сельском хозяйстве» [11, С. 253]. При рассказе о равнинных кантонах автор не описывает их население с точки зрения военного дела. Совершенно по-иному автор отзывается о горных кантонах-основателях (Ури, Швиц и Утревальд). Так, в описании Унтервальда автор пишет «Этот народ слишком велик и мужественен в войнах, в которых их ярость и гнев бьются вместо оружия» [11, С. 260]. Так же, в «Описании», при рассказе о ранней истории кантонов-основателей, автор, описывая их население как «люди, что представляются истинными сынами бога Марса» [11; С. 261] Несмотря на то, что «Описание» фон Бонштеттена имеет явный нарративный характер, разница в рассказе о равнинных городских кантонах и горных дает нам понять, что у последних было совершенно иное отношение к военному делу и феномену войны в целом.

В художественной литературе того времени так же в метафорической форме присутствует описание жителей горной Швейцарии в военном аспекте. В произведение Томаса Мора «Утопия» есть упоминание о «заполетах», народе, как выразился автор «мало

отличающихся от Гельветов» и зачастую нанимавшихся на военную службу к государям. «Таким образом, они [государя] посылают на войну солдат, нанятых отовсюду, а особенно из среды заполетов. Этот народ живет на восток от Утопии, на расстоянии пяти-сот миль, и отличается суровостью, грубостью и свирепостью. Они предпочитают всему непроходимые леса и горы, которые их вскормили. Это – племя дикое, привычное к жаре, холоду и труду, чуждое всякой изнеженности» [5; С. 15]. Произведение, написанное в 1516 г. проводит прямую параллель между вымышленными воинственными «заполетами» и горными швейцарцами, что говорит нам о том, что в этот период швейцарец в представлении «общественного мнения» в других странах фигурировали исключительно в военном контексте.

Такое внимание к военной культуре горных швейцарцев в XIV-XV вв. было не случайно. Громкие победы швейцарской армии в Бургундских войнах и войне за независимость от Священной Римской Империи (1315 г. – Битва при Моргартене; 1386 г. – Битва при Земпахе), создали огромный спрос на швейцарских наемников в других странах [2; С. 113]. Это привело к появлению и распространению среди населения Швейцарии феномена военного предпринимательства, когда часть мужского населения кантонов в поисках заработка уходило на военную службу за границу. По разным оценкам, от 3-5% населения страны уходило на военную службу, при общей численности населения в 400-800 тыс. человек [2; С. 115]. Причем большая часть наемников шла именно из горных кантонов Ури, Швица и Унтервальда. Население равнинных кантонов, даже при наличии серьезных экономических проблем, побуждавших к переселению в город, оставались внутри страны. Фактически, такая ситуация сохранила статус-кво, вплоть до XVII вв., когда швейцарское наемничество стало не актуально для европейских держав [1; С. 156].

Впоследствии феномен наемничества стал камнем преткновения внутри самой Швейцарии в эпоху Реформации. Критика военного предпринимательства внутри страны в первую очередь связана с личностью протестантского проповедника Ульриха Цвингли. Отрицательный опыт наемничества

Цвингли получил, будучи полевым капелланом в швейцарском наемном войске на службе Милана [7; С. 174]. Он был свидетелем сокрушительного поражения швейцарцев в битве при Мариньяно (1515 г.), что сформировало у него отрицательное отношение к наемничеству, хотя до этого он с восхищением относился к подвигам швейцарцев на иностранной службе [10].

Религиозные и политические идеи Цвингли в 1520-х гг. распространились преимущественно на равнинную часть Швейцарии, а центрами цвинглианской реформации стали города Цюрих и Берн, расположенные на равнине, в то время как горные кантоны «внутренней Швейцарии» оставались католическими [14; С. 13]. В этот период так же появилась критика наемничества Цвингли. В трудах «Верное и серьезное наставление конфедератам» (1524 г.) [13], «Рекомендация по подготовке к возможной войне» (1524 г.), «Совет о войне» (1529 г.) [18] и др. Ульрих называл наемничество «несовместимым с христианскими нормами любви и милосердия» [15]. Сторонники реформатора в будущей единой Швейцарии не видели места военному предпринимательству отдельных кантонов, что, безусловно, стало камнем преткновения между равнинной протестантской Швейцарией и католической горной, где для населения последних уход в наемники было нерушимым правом. В конечном итоге, в 1529 г. и 1531 г. вылилось в две гражданские войны (Первая каппельская война и Вторая каппельская война) между Швицем, Ури, Унтервальденом и Цугом с одной стороны и Берном, Цюрихом, Базелем, Шаффхаузеном, Гларусом и Санкт-Галленом с другой. Противостояние горных и лесных кантонов закончилось 11 октября 1531 г., когда армия «лесных кантонов» одержала победу в битве при Каппеле, где также погиб и сам Ульрих Цвингли.

Несмотря на то, что противостояние горных и равнинных кантонов в эпоху Реформации носило религиозный характер, в основу конфликта легло так же отношение к наемничеству двух регионов страны, что показывает нам разницу понимания феномена войны у населения в горной местности и на равнине. Если в городских кантонах Швейцарии наемничество в общественном сознании носило явно отрицательный характер, из-за

чего личное неприятие этого феномена Ульрихом Цвингли было поддержано населением, то в горных кантонах, где наемничество было частью институционализированного милитаризма в социокультурном пространстве, военное предпринимательство яростно защищалось.

На милитаризацию горных регионов Швейцарии указывает, и сама ранняя история Союза в первой половине XIV-XVI вв. Швейцарский Союз был создан в 1297 г. как военное объединение горных кантонов Ури, Швица и Унтервальдена против уже тогда Габсбургской Священной Римской Империи. Победа под Моргартене в 1315 г. над австрийскими рыцарями лишь укрепило положение Союза таким образом, что в середине XIV в. к нему присоединились ранее принадлежавшие Империи Люцерн (1332 г.), Цюрих (1351 г.), Цуг (1352 г.), Гларус (1352 г.) и Берн (1353 г.). Большая часть из новых членов Союза являлись «городскими» или «равнинными» кантонами. Первые военные успехи уже «Союза восьми кантонов» последовали в Бургундских войнах с Карлом Смелым, где впервые, с точки зрения военного искусства, себя в полной мере показала швейцарская пехота. Армия Швейцарского Союза являлась ополчением, собираемым на случай ведения боевых действий и поэтому каждый кантон, входящий в Союз, должен был выставлять определенное количество солдат на поле боя [12; С. 187]. Данные о количестве ополченцев, поставляемых кантонами, дает нам понять, что горные регионы Швейцарии в процентном соотношении к количеству населения, поставляли солдат больше, чем, например, самый крупный в Союзе город Цюрих. Так, в приводимых списках выплат, которые причислялись участникам сражения 2 марта 1476 г. по результатам раздела добычи, указывается, что Цюрих на битву поставил 1701 человек, в то время как менее населенный Швиц поставил 1181 человек. Так же относительно многочисленными выглядят горные кантоны Фрибур (827 человек) и Золотурн (928 человек) [2; С. 81-82]. Несмотря на то, что городские кантоны (например, Берн смог выдвинуть 7 тыс. человек) на поле боя поставили куда больше людей, однако, учитывая тот факт, что в горных кантонах численность населения была в разы меньше, чем в

городских, в предполагаемом процентном соотношении горные кантоны поставляли больше комбатантов. Это может говорить о том, что население горных кантонов представляли войну и связанные с ней мероприятия как совершенно нормальную и желанную практику и были более готовы вступить в швейцарское ополчение, чем население городских кантонов.

Результаты и их обсуждение

Указанные выше примеры показывают нам совершенно разное отношение к военному делу у населения горных и равнинных кантонов Швейцарии. Однако причина подобного отличия представляется нам не только в экономических и политических явлениях, но и в объективных природных условиях обитания.

Проживание на равнинной местности предполагает мобильность её жителей, постоянные контакты с другими этническими или государственными единицами (торговля, дипломатические сношения, война и т. д.), развитие инфраструктуры и городов, которые в свою очередь генерировали новые прогрессивные элементы социальной жизни и культуры. Отсюда и совершенно иное восприятие пространства, отношение к людям другой культуры, способности к интеграции и, что самое важное, предрасположенность к модернизации социальных, политических и экономических систем. Как следствие – разрушение традиционных культурных установок, либо их кардинальное изменение в векторе, назначенном модернизацией.

Именно поэтому протестантизм в Швейцарии поддерживался преимущественно населением равнинных и городских кантонов [6; С. 63]. Протестантизм в Швейцарии, вместе с собой нес идеи унитарного государства Ульриха Цвингли, согласно которой союз кантонов, где полномочия субъектов союза были широкими, должен был превратиться в единое государство с единым центром управления. Поскольку население равнинных кантонов, вследствие влияния среды обитания, были более предрасположены к принятию идей модернизации, то идеи Цвингли были поддержаны ими.

Совершенно иная картина представляется в горной местности. Здесь, ввиду сложности ландшафта (горные хребты, малое

количество долин и равнин, пригодных для проживания и хозяйственного освоения и т. д.) создавался иной тип развития общества, характеризующийся закрытостью отдельных этнических общностей от контактов с внешним миром и отсутствие внутри социума стимулов и источников к модернизации сфер жизни на определенных этапах исторического развития. Продиктованная естественными условиями стратегия выживания откладывает отпечаток не только на политической и экономической сферах жизни, но, что более важно, на социальных установках, культурных особенностях и структуре общественного сознания человека, в сторону сохранения относительного традиционализма.

Милитаризм, как крайняя готовность населения к вооруженному столкновению, играл важную роль для традиционной культуры ещё на этапе родоплеменных отношений. Изначально он был неотъемлемой частью стратегии выживания человека и его общества, однако в условиях разложения родоплеменных отношений, милитаризм перестал играть подобную роль. В условиях изоляции, обусловленной горным ландшафтом, традиционная культура сохраняется гораздо лучше, нежели на равнине. Вместе с этим, милитаризм также остается её частью в виде социокультурного феномена, в котором военное дело и связанные с ним процессы становятся нормальной и желанной социальной практикой. В таких условиях население горной местности более готово к ведению боевых действий, поскольку сохраняющаяся традиционная культура воспринимает войну как нормальное и естественное явление.

Более того, горный ландшафт не предполагает возможности создания крупных населенных пунктов и обработку земли в широких масштабах, что особенно актуально для Раннего Нового времени в Европе, отдельные этнические и социальные единицы вынуждены располагаться компактно, отчего возрастает плотность населения в пригодных для проживания районах. В результате возрастает фактор напряжения и конфликтности, что, безусловно, способствует развитию милитаризма и активности населения в военном деле. В Швейцарии XIV-XVI вв. это отразилось как в политическом, так и в культурном пространстве. Горные кантоны

враждовали не только с равнинными, но и друг с другом. Более того, рост конфликтности отразился в виде изменения различных культурных практик, ранее не ассоциировавшихся с военным делом. Так, например, Knabenschaften, ранее существовавший как гильдийный союз подростков в возрасте 15-16 лет и выполнявший функции «моральной полиции» в деревне (взаимоотношения с противоположным полом, соблюдение предсвадебных обрядов и др.) в горных кантонах Швейцарии стал включать в себя и военные функции, обучая молодых людей военному ремеслу, в том числе методом грабежа населения из других кантонов [16].

Высокая степень конфликтности в принципе препятствует какой бы то ни было демилитаризации, что вместе с ухудшением экономических условий (малоземелье, огораживание) в горной Швейцарии привело к росту социокультурного милитаризма и вытекающую из него готовность населения к военному предпринимательству, что на равнине в принципе не распространилось.

Заключение

Таким образом, сравнение отношения населения горных и долинных кантонов Швейцарии к военному делу говорит о его прямой связи с характером местности проживания. Наличие больших горных областей привело не только к генезису и развитию специфического швейцарского милитаризма, но и к сохранению его инерции на фоне мирного нейтрального развития в более позднее время. Это говорит о важности учёта условий естественного пространства как при исследовании внутренней культуры страны, так и при анализе места страны в региональном и глобальном балансах сил.

На фоне прихода Нового времени определяется не только коммуникационная, но и финансовая специализация Швейцарии, находящейся в центре бурно развивающейся Европы. Продолжается формирование швейцарской гражданской нации, интегрированной не на этноконфессиональных основаниях, а на общности территориальных, экономических и политических интересов. Подобная экономико-финансовая и политическая модернизация не потребовала жесткого вытеснения социокультурных традиций местного общества и фактически «легла»

поверх них. При этом интенсивность этого вытеснения напрямую зависела от пространственных условий и менее всего проявилась в горных местностях. Падение спроса на наемников привело к сворачиванию этой статьи экспорта, специфический элемент которой со временем сохранился только в виде Швейцарской гвардии Ватикана. Однако характер развития европейского региона актуализировал необходимость военной защиты финансового и политического суверенитета страны. Это привело не только к сохранению

социокультурного милитаризма, но и к развитию его в условиях новых геополитических эпох, включая современную. По сию пору Швейцария сохраняет не только автономную боеспособную армию, не интегрированную в иерархичные военные блоки, но и отличается относительно высоким уровнем милитаризма населения, что, в частности, проявляется в поддержке сохранения военного призыва на периодически проводимых по этому вопросу референдумах.

Список литературы

1. Александров С. Е. Германское наемничество в период позднего средневековья : дис. канд. ист. наук. М., 2001. 227 с.
2. Давыдов А. Г. и др. Воинские традиции швейцарского средневековья. Н. Новгород : «Поволжье», 2013. 312 с.
3. Костров А.В. Геополитика: Учебно-методическое пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 140 с.
4. Костров А.В. Геополитический фактор в истории Кавказского региона. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7(21). Ч. III. С. 84-86.
5. Мор Т. Утопия. [Электронный ресурс]. Спб.: «Academia», 1935. 25 с. URL: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (дата обращения: 12.02.2023).
6. Райнхард Ф. История Швейцарии. М. : «Весь мир», 2013. 91 с.
7. Таценко Т. Н. Ульрих Цвингли и Реформация в Цюрихе // Труды СПбИИ РАН. 2017. №3 (19) С. 165-197. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2019/02/tazenko2_03_print_6.pdf (дата обращения: 05.02.2023)
8. Цыбаков Д. Л. Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. №1. С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-militarizm-i-ego-proyavleniya-v-sovremennom-politicheskom-protse> (дата обращения: 05.02.2023).
9. Энгельс Ф. Сочинения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959., 936 с.
10. Schnabel C. Gerechter Krieg // Reformierte kirche kanton Zurich [Elektronische resourse]. 1999. URL: <https://www.zhref.ch/themen/reformationsjubilaem/allgemeine-informationen/huldrych-zwingli/zwingli-lexikon-von-a-bis-z-1/lexikon-k/krieg> (behandlungsdatum: 21.01.2023)
11. Büchi A. Quellen zur Schweizer Geschichte. Albrecht von Bonstetten. Briefe und ausgewählte Schriften. [Elektronische Ressource]. Basel. 1893. S. 217-267. Erhältlich bei : https://archive.org/details/bub_gb_CNguAAAAYAAJ/page/n5 (behandlungsdatum: 12.01.2023).
12. Diebold Schilling der Jüngere. Luzernerchronik [Elektronische resourse]. E-codices – Virtuelle Handschriftenbibliothek der Schweiz, 2015. – 688 s. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (behandlungsdatum: 19.12.2022).
13. Eine treue und ernstliche Vermahnung an die Eidgenossen // Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte [Elektronische resourse] URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.34> (behandlungsdatum: 15.12.2022).
14. Gäbler Ulrich. Huldrych Zwingli: His Life and Work. Philadelphia : Fortress Press. 1986. Pp. 1-20.
15. Huldrych Zwingli Werke // Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte [Elektronische resourse] URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Main.HomePage> (behandlungsdatum: 15.12.2022).

16. Anne-Marie Dubler. Knabenschaften // Historisches lexicon der schweiz HLS. 2013. [Elektronische resourse] URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/027153/2013-10-03/> (behandlungsdatum: 15.12.2022).

17. Mann M. The Sources of Social Power. Volume III: Global Empires and Revolution. 1890–1945. [Electronic resource]. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 510 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sources-of-socialpower/276BE0790828003D03D2C98A1CF066AB> (accessed: 05.11. 2022).

18. Ratschlag über den Krieg // Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte [Elektronische resourse] URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.139> (behandlungsdatum: 15.12.2022).

19. Shaw M. Twenty-First Century Militarism: A Historical-Sociological Framework. [Electronic resource]. London: Routledge, 2012. 15 p. URL: <https://historicalsociology.files.wordpress.com/2011/08/shaw-twenty-first-century-militarism-a-historical-sociological-framework.pdf> (accessed: 05.11 2022).

THE GEOPOLITICAL FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF SWISS MILITARISM IN THE CONTEXT OF MILITARY ENTREPRENEURSHIP OF THE XIV-XVI CENTURIES

The article discusses the possibilities and factors of influence of natural space on the formation of a special attitude of the population to the phenomenon of war. As an example, Switzerland is considered in the period of its formation within its modern borders in the XIV-XVI centuries. Separately, the authors note the understanding of the phenomenon of militarism as a sociocultural construct by the authors, including based on the originality of this approach in modern Russian historiography. Geographic determinism is used as the main research method. On its basis, using the data given in synchronous written sources, the influence of mountainous rugged terrain on the population's perception of the phenomenon of war and the formation of militarism in the socio-cultural space of society is considered. There is a difference in attitudes towards military affairs in the mountainous cantons of Switzerland and the plains. The researchers point out that this fact is most clearly seen in the Kappel religious wars, where the mountain cantons, in addition to protecting religious beliefs, defended their right to military enterprise, while reformers from the flat part of the country considered mercenarism as a threat to the unity of the country. In conclusion, a conclusion is made about the direct influence of the natural-geographical factor on the perception of the surrounding space and, as a result, the special attitude of the population in military affairs i.e., formation of the socio-cultural phenomenon of militarism.

Keywords: Militarism, geographical determinism, Switzerland, military affairs, military enterprise, religious wars.

References

1. Aleksandrov S. E. (2001) Germanskoe naemnichestvo v period pozdnego srednevekov'ya [German mercenary in the late Middle Ages]. M., 2001. 227 p.
2. Davydov A. G. and other. (2013) Voinskie traditsii shveysarskogo srednevekov'ya [Military traditions of the Swiss Middle Ages]. Nizhny Novgorod.: «Povolzh'e», 2013. 312 p.
3. Kostrov A. V. (2016) Geopolitika: Uchebno-metodicheskoe posobie [Geopolitics: Educational and methodical manual]. Irkutsk: Izdatel'stvo ISU, Publ. 2016. 140 p.
4. Kostrov A. V. (2012) Geopoliticheskij faktor v istorii Kavkazskogo region [Geopolitical factor in the history of the Caucasus region]. 2012. № 7(21). V. 3. Pp. 84-86.
5. Mor T. (1516) Utopiya. [Utopia]. St. Petersburg: «Academia», 1935. 25 p. Available at: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (accessed: February 12.2023).
6. Rainkhard F. (2013) Istoriya Shveysarii [Swiss history]. Moscow. : Izdatel'stvo «Ves'mir», 2013. 91 p.
7. Tatsenko T. N. (2017) Ul'rikh Tsvingli i Reformatsiya v Tsyurikhe [Ulrich Zwingli and the Reformation in Zurich]. Proceedings of SPbII RAS. 2017. №3 (19) Pp. 165-197. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2019/02/tazenko2_03_print_6.pdf (accessed: February 05. 2023).
8. Tsybakov D. L. (2009) Grazhdanskii militarizm i ego proyavleniya v sovremennom politicheskom protsesse [Civil militarism and its manifestations in the modern political process]. Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences, 2009. Pp. 86-91 №1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-militarizm-i-ego-proyavleniya-v-sovremennom-politicheskom-protsesse> (accessed: February 05.2023).

9. Engel's F. (1959) *Sochineniya [Works]*. M.: State publishing house of political literature, 1959., 936 p.
10. Schnabel C. (1999) «Gerechter» Krieg [«Fair» War]. Reformierte kirche kanton Zurich. 1999. URL: <https://www.zhref.ch/themen/reformationsjubilaem/allgemeine-informationen/huldrych-zwingli/zwingli-lexikon-von-a-bis-z-1/lexikon-k/krieg> (accessed: January 21. 2023).
11. Büchi A. (1893) *Quellen zur Schweizer Geschichte*. Albrecht von Bonstetten. Briefe und ausgewählte Schriften. [Sources of Swiss history. Albrecht von Bonstetten. Letters and selected writings]. Basel. 1893. Pp. 217-267. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_CNguAAAAYAAJ/page/n5 (accessed: January 12. 2023).
12. Diebold Schilling der Jüngere. (1513) *Luzernerchronik [Lucerne Chronicle]*. E-codices – Virtuelle Handschriftenbibliothek der Schweiz, 2015. 688 p. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (accessed: December 19. 2022).
13. Huldrych Zwingli. (1524) *Eine treue und ernstliche Vermahnung an die Eidgenossen [A faithful and solemn address to the Confederates]*. Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.34> (accessed: December 12. 2022)
14. Gäbler Ulrich. (1986) *Huldrych Zwingli: His Life and Work*. Philadelphia : Fortress Press. 1986. Pp. 1-20
15. Huldrych Zwingli Werke [Works by Ulrich Zwingli]. Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte. URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Main.HomePage> (accessed: December 15. 2022).
16. Anne-Marie Dubler. (2013) *Knabenschaften*. Historisches lexicon der schweiz HLS [Historical encyclopedia of Switzerland HES]. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/027153/2013-10-03/> (accessed: December 15. 2022).
17. Mann M. (2012) *The Sources of Social Power. Volume III: Global Empires and Revolution. 1890–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 510 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sources-of-socialpower/276BE0790828003D03D2C98A1CF066AB> (accessed: November 05. 2022).
18. Huldrych Zwingli. (1529) *Ratschlag über den Krieg [War advice]*. Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte. URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.139> (accessed: December 15. 2022).
19. Shaw M. (2012) *Twenty-First Century Militarism: A Historical-Sociological Framework*. London: Routledge., 2012. 15 p. URL: <https://historicalsociology.files.wordpress.com/2011/08/shaw-twenty-first-century-militarism-a-historical-sociological-framework.pdf> (accessed: November 05. 2022).

Об авторах

Лахтюк Сергей Александрович – аспирант кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Россия),

E-mail: lahtiuk.sergey@gmail.com

Костров Александр Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Россия),

E-mail: a_kostrov@mail.ru

Сайтгареев Рауль Раулевич – кандидат исторических наук, доцент отделения «Высшая школа журналистики и медиапроизводства» Иркутского государственного университета (Россия), E-mail: raulgara@yandex.ru

Lakhtyuk Sergey Alexandrovich – postgraduate student of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (Russia), E-mail: lahtiuk.sergey@gmail.com

Kostrov Aleksandr Valerievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University. E-mail: a_kostrov@mail.ru

Saitgareev Raul Raulevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Higher School of Journalism and Media Production, Irkutsk State University (Russia), E-mail: raulgara@yandex.ru